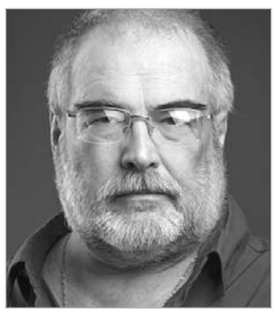
ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
№ 9(251) – 2017

Аполлинария, которая всех огорошила

Рассказ



Максим ЯКОВЛЕВ

В воскресенье вдруг затрещал будильник. Рита не спала. Она хлопнула по нему ладонью и осталась лежать на боку, как и лежала до этого, глядя на тёмную бесцветную стену... Долго не рассветало. И так продолжалось и продолжалось бесконечно неопределённое время, хотя ей казалось, что время не продолжается, а стоит на месте в пустой оглушительной тишине. В воскресение предстояло идти к врачу, к Борису Аркадьевичу, он назначил ей сначала на пятницу, но в тот же день заболела Полина, и тогда он сказал: "Хорошо, в таком случае, давайте в воскресение, к трём часам, другого выхода нет, в понедельник я уезжаю". Она нахмурилась и провела рукою внизу живота...

Наконец, стена стала слабо светлеть, с воем промчался троллейбус. С каждой минутой тишина становилась всё более рыхлой, прозрачной, различался далёкий голос диктора в "Новостях", потом прибавилась громкая музыка, загомонили какие-то голоса уже совсем близко...

– Вот и день начался, – сказала она себе.

Но в детской пока было тихо. Она приподнялась, помогая себе рукой, и села, спустив ноги с кушетки. Посмотрела на пустую раскладушку в углу. Ухмыльнулась, и встала, и пошла, ухмыляясь, в ванную, и скоро послышались оттуда всплески и другие звуки воды, похожие со стороны на частые всхлипы, на быстрый и мокрый шёпот и причитания...

Когда она уже стояла на кухне и снимала с плиты вскипевший кофе, ей вдруг подумалось, что с минуты на минуту может заявиться Лудин, – она всегда предчувствовала приход мужа, хотя теперь совершенно не хотела этого и не ждала, нет, ждала... но если только совсем уж в неразличимой для самой себя глубине... Вещи свои он почти все забрал, остались коробки со всякой техникой и набитый рюкзак в прихожей, но не хотелось, чтобы это случилось сейчас. В детской по-прежнему было тихо, и можно идти к Борису Аркадьевичу, потому что температура у дочки спала. Обязательно, срочно нужно идти. А Полина ребёнок послушливый, тихий, побудет спокойно одна, авось, и не догадается ни о чём...

В этот момент раздался звонок, и Рита звякнула чашкой о блюдце, и споткнулась о табуретку, и скинула с головы полотенце у зеркала... Но у самой двери задумалась, медленно повернула ручку замка, открыла. На пороге стоял он.

– Привет.

– Привет, Лудин.

– Разбудил вас?

– Ты за вещами?

Он был ухожен и бодр, замечательно улыбнулся:

– Кофейком не угостишь, по старой памяти?

Она хотела ответить совсем по-другому, а получилось:

– Проходи...

– Аполлинария спит? – спросил он. – Как она?

– Великолепно, – Рита достала из холодильника масло и пакетик со сливками.

– В каком смысле? – спросил он.

– Извини, сыра нет. Ты тут угощайся пока, а я пойду к ней схожу. Твои коробки с рюкзаком там в углу...

– Что-то всё расхотелось резко.

Она повернулась к нему спиной и добавила:

– Я прошу тебя, только не долго. Будешь уходить, просто захлопни дверь, но не сильно.

И почувствовала, как муж двинулся за ней следом, и поэтому в детскую не пошла, а вошла в комнату. Он шёл за ней, пока она не остановилась у окна, и не сказала ему:

– Лудин, мы же договаривались ещё две недели назад, что ты тихо-спокойно заберёшь свои вещи, и оставишь нас, наконец, в покое.

– Я хочу поговорить с ней, – сказал он.

– А вот она не хочет, – сказала Рита.

– Хочу! – услышали они вдруг, и обернулись.

В дверях комнаты стояла Аполлинария в одной нижней сорочке.

– Я хочу сказать папе и тебе, мама... Я хочу сказать вам!..

– Ну-ка, марш в постель, – сказала Рита, – я сейчас приду к тебе.

– Мама, я не пойду! – сказала Аполлинария дрожащим от твёрдости голосом.

– Что с ней? – насторожилась Рита. – Скажи хоть ты ей, вчера только температуру сбили. Бредит что ли?

Лудин растерялся, он не думал, не предполагал даже, что его дочь могла себя так вести. Он не знал её такой.

– Аполлинария... – произнёс он.

– Вот! – выкрикнула она, протянув руку. – Видишь?

Он увидел в её руке зажатую вертикально между большим и указательными пальцами какую-то чёрную пилюлю, похожую на маленькую ампулу с красной поперечной полоской.

– Видишь? – повторила она. – Видите? Я всё знаю, вы не думайте... и я решила!..

– Где ты взяла? – спросил он осевшим голосом.

– Нашла под твоим столом.

– Что у неё? – спросила Рита.

– Яд, – он еле выговорил это.

– Тот самый?! Ты же говорил, что выбросил его!

– Я думал, что... я был уверен, клянусь тебе...

– Дай мне её сюда! – не выдержала Рита. – Полина!

Ничего не действовало, она лишь затрясла головой, и продолжая смотреть на мать, поднесла ампулу ко рту.

– Отдай немедленно! – рванулась Рита.

Но Аполлинария опередила звенящим криком:

– Мама!!

– Назад! – Лудин рывком оттащил жену.

Рита, отступив, ткнулась спиной в подоконник; закрыла лицо руками.

– Доча, говори, что хочешь, – сказал отец, – только убери руку от лица.

– Обещайте мне! Прямо сейчас! Обещайте! – то ли требовала, то ли умоляла Аполлинария. – Что вы никогда не будете так поступать! Вы не будете злыми, нечестными.

Он видел, как трясётся её лицо, её рот, он смотрел в её прыгающие губы, и ничего не понимал, не доходило до сознания никакого смысла.

– Мы обещаем тебе, – говорил он, – мы обещаем тебе, всё будет хорошо, мы всё тебе обещаем… Пожалуйста, положи её пока на стол, мы не возьмём её, мы будем стоять на этом месте, прошу тебя...

Но опять ничего не действовало, она упрямо трясла головой:

– Нет! Я не верю тебе! Ты обманываешь нас! Ты всё время всех обманываешь! Ты обманываешь маму! Ты всегда врёшь! Врёшь! Ты... ты нечестный, папа!

В другое время Лудин бы, пожалуй, нашёлся ей чем ответить, но не сейчас. Он всё ещё не мог поверить в происходящее...

– Ну, хорошо, говори. Говори всё, что ты хочешь, мы тебя слушаем. Только ты не волнуйся так, ладно? – произнёс он с видом, внушающим если не доверие, то хотя бы поддержку, сочувствие.

Аполлинария смотрела на него и молчала.

– Ну, говори, – сказал Лудин.

Он видел, как она перевела взгляд на Риту, стоявшую всё так же уткнув в ладони лицо.

– Папа... – Аполлинария поджала губы.

Он кивнул ей.

Она смотрела на него, боясь заплакать.

– Пап... обещай, что ты будешь любить маму и не уйдёшь!

– Доча, – сказал он, – ты уже всё понимаешь, давай говорить по-взрослому...

– Ты обещаешь!? – крикнула она.

Он почувствовал, как заплакала Рита.

– Дурочка... вот дурочка... – услышал он от Риты, и не в силах оторвать взгляда от ампулы в опасной близости от её потресканных губ, сказал:

– Обещаю.

– И ещё… – заморгала она от слёз, – обещай, что ты не будешь больше ни про кого никогда говорить плохо! Никогда не будешь обижать никого! Будешь самым честным, самым добрым и не будешь врать!

Лудин опешил.

– Но это же шантаж, – нашёлся он, наконец. – Девочка моя, так не делается.

– Значит, ты не хочешь быть честным, да?

– Аполлинария, оставь, не надо. Это непростые вещи, – сказала вдруг Рита.

– Папочка, я прошу тебя! Я тебя очень прошу! Ну, пожалуйста!

– Это моя работа, – выдавил Лудин.

Аполлинария вздрогнула, словно от резкой боли.

– Ты всех ненавидишь, ты всех обманываешь... я не хочу... – сказала она чуть слышно, – мне всё время плохо за тебя. Я больше не могу так, папа...

Она прижала ладонь к губам.

– Что ты с ней делаешь, Лудин!

Он понял, что уже ничего не спасёт, и едва произнёс от ужаса:

– Обещаю... что буду хорошим.

– Честно?

– Честно, только отдай ампулу.

Он опустил голову, зная, что дочь продолжает смотреть на него исподлобья.

– Что ещё я должен обещать? – глухо спросил он.

– Что не будешь курить!

– Хорошо. Что ещё?

– Обещайте, что вы никогда не будете друг с другом ссориться и разводиться! Никогда!

– Полина, мы можем наобещать тебе всё, что хочешь, но это жизнь, понимаешь? – сказала Рита. – Ты ещё не разбираешься в этом, ты не знаешь, что не всё может зависеть...

– Мама! Я всё знаю! – закричала Аполлинария. – Обещай, что не будешь делать аборт!

– Какой аборт? – повернулся Лудин к жене. – Ты что беременна?

– Не твоё дело, – ответила она.

– Мама, ты обещаешь? Скажи, обещаешь?!

Лудин подался к Рите:

– Ты, правда, беременна?

Но она ничего не ответила, она опустилась в кресло и разрыдалась.

– Мама! Ну, мама же! Ты обещаешь?! – кричала Аполлинария.

– Д-да... – вырвалось, наконец, из Риты, – да! Да-а!..

Ей стало плохо, Лудин метнулся к серванту, потом на кухню.

Аполлинария стояла, не двигаясь, и он не видел ни белого её лица с дорожками слёз, ни сжатых, стиснутых с силой глаз... Боясь дотронуться, обогнул её, как гипсовую скульптурку.

Рита выпила капли из чашки с отколотой ручкой. Он помог ей встать с кресла, но Аполлинарии в комнате не оказалось. Осталась неплотно прикрытая дверь в детскую. Войдя туда, они увидели Аполлинарию, лежащую ничком на своей кроватке, и заметили, как дёрнулась её рука к подушке. Рита была уже рядом, но к своему удивлению извлекла из-под подушки простую картонную иконку с изображением Спасителя; она сунула её в карман и присела на край постели. Погладила дочь по спине.

– Полина... – сказала она, чувствуя под рукой её прерывистое дыхание, – ты видишь, дочка, мы пошли на всё, мы согласились на все твои требования. Я думаю, ты можешь нам верить... Отдай, дочка. Отдай мне эту ампулу, чтобы всем было спокойней, слышишь? С этим не шутят.

Но Аполлинария не шевельнулась. Не качнулся, не дрогнул этот жалкий цыплячий затылок с узким желобком её шейки, торчащей из ночной рубашки. Рита достала иконку и, глядя на неё, спросила:

– А скажи мне, пожалуйста, как же так, ведь ты же крещёная, и молитвы, я знаю, читаешь, и вдруг решилась на самоубийство? Это же грех... Разве не так?

Аполлинария хлюпнула носом. Молчала.

– Что молчишь? Разве я не права? Это же страшный грех, Полина. Даже подумать об этом и то грех считается, а уж убийство, это... это ужасное преступление! Да как же ты могла пойти на такое? Да как же тебе не стыдно после этого перед Богом, ведь ты же знала, что это грех! Ты не имеешь права на это! Ты не имеешь права убивать себя, ты слышишь меня?

– Мама! Это не я! Это же вы меня!.. – забилась всем телом Аполлинария. – Вы! Вы!..

На следующий день был дождь, за ним мороз, и дороги заледенели. Аполлинарию увезли в больницу с воспалением лёгких, ещё не успевшую оправиться от нервного срыва. Рита провела с ней в палате весь день; вернулась поздно.

Лудин был дома. Он стоял на кухне, и курил под открытой форточкой у кипящей кастрюли с картошкой.

– Ну, как она? – спросил он уже в прихожей.

– Пока никак, – ответила Рита.

– Устала, наверное?

– Причём тут я...

Лудин снова стоял у форточки и курил.

– Ты извини, но ужинать я не буду, – сказала она.

– Картошка уже готова... Я хорошей ветчины купил, огурчиков...

– Да? Ну, немножко тогда.

– Пиво будешь?

– Буду, – она смотрела ему в спину, – а почему ты куришь?

– Я же не сказал, что брошу прямо с той самой минуты.

– Понятно, – сказала она.

– А с врачом говорила? – спросил он.

– Он подошёл сразу, как ты ушёл.

– Надо же.

Лудин вспомнил, что оставил в машине мобильник, но тут же и забыл об этом.

– Говорит, что ничего страшного нет, продолжила Рита, – область воспаления вроде бы небольшая, а вообще всё выяснится завтра.

– Она справится, – сказал он.

Но Рита не ответила. Они сели за стол и ели молча и без охоты. И она не спросила его про дела, а он не сказал ей, что проторчал полдня у компьютера за статьёй для аналитического еженедельника...

– Во сколько будить тебя? – спросила она, заводя будильник.

– Да сам встану.

– Как хочешь.

– Не обижайся, – он задержал её руку.

– Не представляю, как мы теперь будем вместе, – сказала она, – я уже отвыкла от тебя, Лудин.

– У меня не выходит из башки эта ампула! Куда она девала её?

– Не знаю, не говорит, – сказала Рита, – и ты не пытай её об этом. Знаю только, что она нашла эту ампулу ещё вчера, в корешке старого томика "Сказки Ганса Христиана Андерсена".

– Я всё перерыл! – начал заводиться Лудин. – Такая послушная была... Уму непостижимо!

– Наша "послушная" всё молчала да молчала в последнее время, я-то, дура, на болезнь списывала – мало ли, а она вон что удумала, "раба Божия"...

– Самое смешное, если всё это не поможет.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, что будем жить, "как обещали", и не сможем спасти её. Не сумеем.

– Почему?

– Ну, не знаю, что-нибудь опять не так ей покажется, возьмёт и...

– И что ты предлагаешь? – не дала ему договорить.

– "Что, что"... – отвернулся он, – никому это не нужно, вот что!

Он ждал взрыва. Но взрыва не последовало.

– А может правда... пожертвовать ею? – услышал он. – Она ведь наверняка обречена с такими-то убеждениями. А иначе мы становимся, по сути, её заложниками, и в любой момент...

– Ты что, совсем спятила? Не надо никем жертвовать, но надо же на что-то решаться! – не выдержал он. Что-то надо делать, ведь нельзя бесконечно ждать! Можно с ума сойти.

– Как я тебя понимаю! От этого действительно можно сойти с ума: Лудин становится честным человеком! Возвращается в семью! И даже вынужден любить свою жену! И… всё напрасно. Да, это высокая трагедия!

– Между прочим, ты тоже кое-что обещала.

– Обещала. Я рожу тебе сына, Лудин. Только вот интересно, что скажет он, когда ему тоже исполнится одиннадцать лет.

– Но как ты себе всё это представляешь? Как?!

Рита обняла его за шею и улыбнулась:

– Лудин, какой ты дурак. Ты же видишь – переходный возраст, пройдёт пара-тройка лет, и она сама всё поймёт. Поймёт, что жизнь зачастую сильнее прекрасных наших намерений, поймёт, что нельзя заставлять людей любить друг друга, даже если они... Потерпи, а? Потерпим друг друга, я не буду к тебе придираться, докучать тебе разными глупостями. В конце концов, ты отец, она твоя дочь! Можешь ты для неё это сделать! Не для меня, для неё?

Она отдёрнула руки, отошла к окну.

– Мрази мы с тобой, Лудин, мрази, а не родители. Мы уже сейчас предаём её, исподтишка.

– Ну, хорошо! Допустим, я уволюсь с телевидения, но куда я уйду, куда? В какой журнал? В какую газету? Везде то же самое, это же смешно!

Рита смотрела на его отражение в ночном окне.

– Значит, всё-таки ты соврал ей.

– Посмотри по сторонам, Рита!

– Мразь.

Лудина осенило:

– Вау! смотри, как это будет выглядеть, смотри сюда: вот мы выходим... Вокруг всё, конечно, как всегда: мир вертится-крутится – ловит момент, делает деньги, всюду носятся "бабки", "баксы", "еврики" всякие! везде и всюду с блеском подсиживают и устраняют себе подобных... И вот они – Лудины, наперекор всему! впереди – Аполлинария с барабаном, за нею – ты с дудкой, а сзади – я с огромной гармошкой, нет, лучше с плакатом: "Мы – ум, честь и совесть!"... "маленький оркестрик" такой, все гордые, все в ногу идём! А за нами машина "Скорой помощи", с санитарами из психушки... Рит? Это – натуральная картина, без пародии, так всё и будет выглядеть, ты же сама знаешь!

– По-твоему, все только и делают, что рвут друг у друга, ничем не брезгуя, любыми способами...

– Не все, нет, только дееспособные!

– То есть, способные на подлость.

– А что опять "не кради, не суди, не желай зла"? И что там ещё? "Не завидуй, не лги"? Опять "родина-дом-семья", да? Это давно уже... Сейчас другая реальность!

– Какая другая? Что, воздух другой?

– Другой.

– Снег другой?

– Другой, другой, ты разве не видишь? И вода другая, и мы тоже! Мы, люди – другие! Да, пойми, для наших предков мы все давно уже сволочи, но подумай: когда большинство людей составляют эти самые сволочи, то это нормально! Это становится нормой. Мир усложнился, произошла объективизация другого сознания, новой морали...

– Ты хочешь сказать антиморали.

– Пусть антиморали, всё равно! Но на этом теперь стоит всё, абсолютно! Цивилизация! "Всё имеет право и место быть, и никто никому ничего не должен" – вот что! и все отношения, политика, экономика, наука – всё выстраивается на этих правах человека. Они там, сто пятьдесят лет назад, и не задумывались об этих правах, для них всё проще было.

– Дураки, в общем.

– Дураки не дураки, но прямолинейности и наивности хватало.

– Бедные.

– А что, разве не так? Закручивали свою свободу в узел, закручивали, зажимали… потом как рвануло!

– И все в дерьме.

– Ну, это как посмотреть, разные сочетания встречаются, на то она и демократия. Как сказал мне на фуршете один весёлый политолог: "Все демократы делятся на две категории – "питоны" и "бандерлоги". Помнишь, в "Маугли", там есть такой заросший, заброшенный "Великий город", выстроенный некогда какими-нибудь великими правдолюбцами? Так вот, "питоны" – это не те, кто представляет номинальную власть, это не администрация, "питоны" – это те, кто диктует правила, обеспечивающие будущее за счёт "бандерлогов". Эти "питоны" обычно вне "города", а "бандерлоги" – это простонапросто хорошо отлаженная структура, так называемое "общество потребления" – сверху донизу: их кормят в основном всякими "ценностями""...

– Значит и ты "бандерлог"? – спросила она.

– Разумеется. И ты тоже, дорогая. Но в отличие от других "бандерлогов", я принадлежу к числу тех, кому очень хорошо платят за увеличение их поголовья. Я профессионал, Рита. Меня смотрят и слушают!

– Зачем всё это, Володя? Ты прекрасно понимаешь, что если с ней что-нибудь случится, у тебя не может быть оправданий.

– Да не оправдываюсь я... Я вообще не понимаю, зачем я всё это рассказываю, не понимаю! Я не знаю, что со мной происходит! – перешёл он на крик, – я никогда не говорил ничего подобного! Никогда!!

Потом была тишина, и никто из них не знал, чем всё это кончится.

– Я пойду, покурю, – сказал он.

Он готов был поклясться, что она обернулась, потому что в спину его толкнулся её голос:

– Ну, помоги нам, Лудин. Помоги ей выжить... Я знаю, ты подлец, но мне некого больше просить! Помоги нам!..

Следующий день был долгим.

Он звонил из бара на Никитской. Сначала говорил со знакомым психологом: он не мог отделаться от навязчивого подозрения, что поведение Аполлинарии имеет все признаки психического отклонения, а может быть, даже психического заболевания, и в таком случае это меняло всю ситуацию. И всё-таки не понимал, чего он боится больше: её болезни или её здоровья. Но, рассказывая подробно о её требованиях и о ней самой, о том, что успел подметить в её состоянии, почувствовал, что совершает всё-таки нечто преступное, как будто открывает и выставляет напоказ что-то такое, чего нельзя выставлять, что должен был бы беречь, как зеницу ока от чужого взгляда... и стало ему тошно и гадостно, и он уже собирался нажать кнопку мобильника и оборвать разговор, но протянул, неизвестно почему, протянул...

– Молится, говоришь? – оживился психолог. – Ну, что ж, может быть, и церковь подгадила. Скорее всего, из-за этого. А так, ничего особенного: атавизм идеалистического сознания плюс детский максимализм, детерминированный неустойчивой тонкой психической организацией... В обеспеченных семьях иногда встречается, так сказать, от противного, на контрасте. Будьте с ней понежней, поласковей, больше "да", меньше "нет", и всё загладится с возрастом. С такими уступчивость как раз уместна и даже необходима. Окружите подружками соответствующими, какими-нибудь занятиями, увлечениями, страстишками, отрывайте её от самой себя! Дискотеками её! Компьютерными игрушками! Больше классных мультиков, гламурных журнальчиков – они хорошо адаптируют, развлечений всяких разных! "симпотных мальчиков"... наращивать положительные эмоции так, чтобы она попала в зависимость от получаемых удовольствий! Со временем, потребность в них перерастёт в требовательность, тогда можешь спокойно отойти в сторону – она сама поплывёт куда надо... На церковь, ненавязчиво так, открой глаза ей, это легко: столько везде статей и историй про батюшек, про их грешки и делишки... Вот так, старичок. Всё уладится, не бери в голову...

– "Поплывёт куда надо", – повторил Лудин, – что она у меня, дерьмо, что ли?

– Так мы все плывём, – захохотал психолог, – куда ж деваться! Зато не тонем.

– Ну, плыви, плыви, – Лудин с силой нажал на кнопку.

И всё больше одолевала его эта злость, какая-то отчаянная и весёлая злость, похожая на заполошную пропащую удаль, которую он не знал даже с чем сравнить... прыжок в армии с парашютом не мог тягаться с этим пьянящим ужасом!

Он звонил шефу, Гаецкому. Тот включился с пол-оборота:

– Наконец-то! Куда ты пропал? Слушай сюда: голосование сдвинуто на послезавтра, но это уже крайний срок, будет "мясорубка". Кислюк хочет затащить тебя на свою передачу, и сам понимаешь, гонорар царский, мы уже всё с ним обговорили...

– Плевал я на него.

– А? Что?.. Не понял. Луда, тебя ищут ребята из пятой студии, нужен большой, жутко вонючий скандал! Надо хорошенько пропоносить нашего "Корифея", ты понял? Так, чтобы ни единого белого пятнышка на нём не осталось, и вокруг него тоже, в общем, как ты умеешь – "на сто метров против ветра, не считая мелких брызг"! Все окрысились, дерьма будет много, а я знаю, ты любишь "бабки" с пикантным запахом, тем более в таком количестве, а? – Гаецкий зашёлся в мокром прокуренном кашле. – Сейчас мухой ко мне, заберёшь информацию, тут тебя жирная папочка дожидается от пиарщиков, и вперёд!

– "Корифей"... – сказал Лудин, – седой, заслуженный человек, академик... Один из немногих, кого боятся всерьёз...

– Слушай, не набивай себе цену, гонорар и так уже запредельный!

– ...и стоило ж ему всю жизнь ухлопать на репутацию честного человека, чтобы потом кто-то пустил всё это под откос, в жижу, в тухлую смрадную жижу?

– Да уж выпадет ему вечерочек!

– У него, говорят, что-то серьёзное с почками, вроде рака, – продолжал Лудин, – и, кажется, с внуком что-то.

– В аварию попал. На то и рассчитано, чтобы до Думы не добрался, а доберётся, так чтоб не опасен был. Ставки большие, Луда, ты понял?

– Представляю, что с ним будет. Он не перенесёт такого позора. Слишком он... слишком прям.

– А мы его и надломим! и переломим! и навалимся! Сделаем из него трясущегося желчного старикашку! ничтожнейшего, бормочущего оправдания! А не уймётся, так мы его в кашу! в кашу! в кашу! В дерьмо собачье!!

Гаецкий надсадно свистел, никак не мог отдышаться от смеха:

– Ну, ты завёл меня... класс! нет слов! Давай ко мне, жду.

– Я не буду в этом участвовать, – сказал Лудин.

– Почему?

– Потому что подло.

– Не понял, что ты сказал?

– Да уж куда тебе.

– Что такое? Слушай, хватит разыгрывать, приезжай.

– Я отказываюсь работать на вас, Гаецкий. И мне плевать на твоего Кислюка и на всех вас!

– Ты понимаешь, что ты несёшь, Лудин? У тебя "все дома"?

– У меня дома все, и скоро ещё прибавится.

– Так и скажи - перекупили, но я тебя хочу предупредить...

– Нет, не перекупили, а просто подло и всё.

– Это твоя работа! У тебя бешеный гонорар!

– Нет, Гаецкий, это подлость... Господи, какой кайф!

– Лудин, прекрати! Я не...

– Да пошёл ты!..

– Ну что, что случилось?! Что-о?!

– Прощайте, мистер.

Жанна пришла как всегда с опозданием. Быстро окинула взглядом зал, заметила его в углу за стойкой, и тогда направилась прямо к нему, уже совершенно взяв себя в руки, стряхивая на ходу с волос морозный, тающий мелким бисером снег. Он поднялся навстречу.

– Ку-ку, – сказала она.

– Ку-ку.

Коротко и влажно поцеловала его, чуть прикусив за губу. Уселась рядом.

– Хулиганка.

– Лудин, ну где ты шлялся? Я тут звонила Гаецкому, он кроет тебя трёхэтажным, все тебя ищут!

– Я говорил с ним только что.

– Что с тобой? Что-то случилось? Мобильник не отвечает.

– Ничего.

– Ну, рассказывай, куда тебя занесло, не звонил... Надеюсь, сегодня спим вместе?

– Что-нибудь выпьешь? Стакан сока, – сказал он бармену.

– Нет, я хочу "Мартини"!

– Тогда "Мартини", – сказал он.

– Никак не могу разобрать твои вещи, так и стоят в углу, представляешь? – она вытащила сигарету. – Я успела отгладить только три рубашки, у тебя их так много... я, наверное, буду ужасной женой, ты бросишь меня через месяц, нет, через два...

Он подставил ей зажигалку.

– Ну, так где же тебя носило? – она затянулась и выпустила вверх струйку дыма.

– Я ухожу от тебя, – сказал он.

– Так я и знала.

– "Как всё оказывается просто", – сказал он себе. – Вещи постараюсь забрать на днях, может быть завтра. Ключ будет в почтовом ящике.

– Только не говори мне, что ты вернулся к жене.

– Не буду.

Они сидели, глядя друг другу в глаза.

– Лудин, от меня просто так не уходят, скажи мне, кто она? Чем она могла тебя взять, скажи мне, мне больше ничего не интересно.

Он взглянул на часы.

– Лудин, у меня тоже есть самолюбие, я не собираюсь устраивать истерик, но я имею право знать, что в ней... Я прошу тебя, ну? Кто она? Актрисочка? Супермодель? Дочь банкира?

– Ты сама просила не говорить.

– Что?.. Что-о?!

– Не ори, прошу тебя, – он оглянулся на зал.

– Значит, всё-таки к ней.

– Да.

– Ну, такой подлянки я от тебя не ожидала, – Жанна улыбнулась, изменившись в лице, – дорогой...

– Прости.

– Ты делаешь ошибку, Лудин, это не то, что тебе нужно. Я уж не знаю, что тебя подвигло на такой шаг, но... ты извини, конечно, но это отработанный материал, вы же не совпадаете, и ты прекрасно знаешь об этом! Лудин, ты не такой человек, тебе нужна не баба, не "курочка-ряба", тебе нужна искусная наездница, сладкая озорная пиявочка, которая очень аккуратно и умно будет совпадать с тобой во всём... особенно в горизонтальном положении.

– Ты как-то забыла, что это моя жена и мать моих детей.

– Детей?

– Скоро она родит мне сына.

– Атас!..

– А потом ещё одного, и ещё! А дети рождаются только от "бабы", от жены, а не от "пиявочки"!

– Не кричи на меня!

В баре играла музыка, что-то страшно знакомое, и каждую минуту прибавлялось народу.

– Прости, – сказал он.

– Лудин, ты же любил меня. Любишь...

– Жанн... – он не мог смотреть на неё.

– Тогда почему? Зачем? Ничего не понимаю. Маразм какой-то.

– Да потому что подло. Подло это всё, понимаешь?

– Не уходи, пожалуйста. Она всё выдержит, она сильная, не уходи!

– Хорошо, – сказал он, – если я не уйду и мы поженимся, ты родишь мне ребёнка?

– Дело не хитрое, я и родить могу.

– А ещё одного?

– Если так надо...

– Ладно. Пусть дети подрастут, пойдут в школу или спецшколу, не проблема. Главное, у тебя есть муж, семья, храм твоей жизни! Дети, планы... а может быть, мы и ещё одного зарядим, а что?

– Да ради Бога.

– И вот тут я тебя бросаю и ухожу.

– Почему это?

– А нашлась вот одна "наездница", помоложе, "послаще", ну, ты понимаешь. Так кто я буду тогда?

– Ну, ты артист.

– Не "артист", а подлец.

Жанна вдруг расплакалась.

– Лудин, не уходи.

Он не ответил.

– Ты будешь приходить ко мне, как раньше? Так ведь раньше и было у нас, помнишь?

– Было. Ты хочешь, чтобы я был подлец не снаружи, а как бы внутри?

– А почему "подлец"? Рита тоже с тобой спать будет... иногда.

Она улыбнулась.

– Знаешь, чего тебе не хватает, Жанн?

– Знаю, тебя, – сказала вдруг жёстко.

Он понял, что продолжать бессмысленно.

Лудин, встал, расплатился. Она сидела как изваяние. И вышел.

На улице прохватил его до костей жёсткий ветер, и пришлось запахнуться до подбородка, но он так и не дал себе оглянуться.

– Не хватает тебе глаз твоего ребёнка, – ответил он ей, садясь в машину.

По вечерам зимний город переворачивает освещение: свет идёт снизу, тяжёлый и мутный от текучей оранжевой лавы с фонарями, огнями и фарами, от реклам и витрин, подымаясь вверх, но не достигая и не находя ушедшего в космос неба...

Он подъехал к больнице, и какое-то время просто сидел, глядя перед собой... Потом дошёл до кирпичного старого корпуса, вошёл в вестибюль, поднялся на третий этаж. Увидел идущую по коридору Риту, она уже увидела его, но была далеко, и попытался представить в ней идущую навстречу Жанну... Она подошла и сказала:

– Устал?

Он смотрел на неё.

– Голодный, небось?

Всё-таки это была Рита.

– Как она там? – спросил он.

– Заснула. Сегодня получше.

Лудин, слушал. Всё было невероятно родное...

– Это тебе, – она протянула ему сложенный вдвое листок бумаги.

Развернув, он увидел дочкин рисунок. Аполлинария постаралась: на него смотрел шкафообразный, величественного вида человек, судя по всему, в весьма неплохом настроении. Лудин обнаружил на нём свой любимый галстук, и по наличию у этого господина характерно подстриженных усов и причёски догадался, что это он сам и есть. В руках нарисованный Лудин держал солидный блокнот и авторучку; за ним, далеко внизу на горизонте чернел своими башнями город, не смея и спорить по масштабу с его добротно сработанными ботинками. Сияло солнце над ухом...

С каждой стороны, на груди его, имелось по одному карману: в одном из них высовывалась по пояс Аполлинария с морским биноклем на шее, а в другом, без сомнения, Рита, – с малышом на руках... И было им хорошо!.. Внизу было подписано аршинными буквами: "ПАПОЧКА, МЫ С ТОБОЙ!".

– Ты что-нибудь чувствовал сегодня? – спросила она.

Лудин вспомнил события этого дня.

– Твоя дочь весь день молилась о тебе.

– Правда? А что это значит? – он не знал, что ответить... накатило так, что он едва устоял на ногах.

– Скажи, ты действительно хочешь... – сказала она, и осеклась, потому что увидела в нём слепые от слёз глаза...

– Рита, я боюсь, – сказал он дрогнувшим голосом.

– Я тоже.